

ЕЛЕНА ПИЛЬГУН

АНГЕЛ,
который ничего не ждёт

Елена Пильгун Ангел, который НИЧЕГО не ждет

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23688184
ISBN 9785448503030*

Аннотация

Пепел мечты. Обоняние Влада отчаянно сбоило, пытаясь разбить разреженный воздух чужой души на ноты. Кардамоновое начало из несбывшихся надежд делало вдох надрывным и тягучим, полынь, пыль и ладан били навывлет по страшным предположениям сухого остатка из оперы «а что, если бы я не сделал этого», а ветивер явственно отдавал все еще горячей землей, едва живой от бушующего пламени. Здесь все отгорело по-настоящему.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

20

Ангел, который НИЧЕГО не ждет

Елена Пильгун

© Елена Пильгун, 2019

ISBN 978-5-4485-0303-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Дождь всегда приходит с той стороны улицы, – встреченный мной старик не глядя махнул рукой в сторону пригорка, по которому карабкалась желтая лента дороги. Домов, этих маленьких деревянных избушек с абсолютным отрицанием привычной геометрии параллельности стен и прямых углов на их стыке, на пригорке уже не было, а кривая линия последней изгороди заканчивалась за моей спиной.

Я, конечно, спорить с ним не стал. Дожди приносятся ветром откуда угодно, но в этой глуши люди верили в приметы. И если красное солнце на ветер или ясное небо к холоду я еще смог бы понять, то дождь с определенной стороны света был выше моего разума. Пахло здесь фатализмом каким-то.

Однако старик на смирившегося и уверовавшего в Судьбу

был похож мало. В блеклой синей радужке под седыми бровями горел маленький злой огонек, превращавший это переодевание в безнадежно залатанную мешковину и грубый лен в маскарад. Нет, я определенно не ошибся. Чутье не подвело. Ему больше подошли бы меч и труба архангела.

– А что находится там, за пригорком? – спросил я лениво, мысленно пытаясь протянуть золотую ниточку сканирования к новому знакомому. Ха, ауры, биополя... Чего люди только не придумают, чтобы объяснить необъяснимое. Всех этих слов у них нахватался, привык, а все равно нам как-то проще без слов. Просто видишь тусклое свечение вокруг человека и пытаешься крыло протянуть... В фигуральном смысле, конечно. Крылья нам доставать запрещено, пока на задании.

– Что за тем пригорком? – переспросил старик. Его жесткий колючий взгляд мазанул меня по щеке, а я вдруг понял, что дотянуться до его биополя у меня категорически не получается. Как об стенку лбом бьешься, а толку ноль. – Так я ж тебе сказал, светлый, что там дождь начинается. А еще иногда там находят ангелов упавших.

Я тихо поперхнулся на вдохе и сделал шаг назад.

– Упавших?

Я отчаянно тянул время. Нет, мне уже третья сотня лет пошла, я вам не херувим голозадый, я знаю разницу между «посланным в командировку/на разведку/для усиления личного состава» (нужное подчеркнуть) и теми, кто Изгнан. Эти...

Нет, не подумать без дрожи. Эти превращаются в кучку обгоревших перьев. И никогда и никто не находит их тел. Никогда.

– Точно так, – старик, похоже, уже откровенно издевался. Мягкие золотые щупальца его сканирования замаячили за моей спиной. – А потом они приходят в деревню, а тут бабье уже на ушах стоит, полынй звезда прилетела пятый раз за месяц... Дурехи. Да ты не бойсь, никого там нет сейчас. Хочешь – пошли, посмотрим.

И мы «пошли». Я вслед за стариком карабкался на пригорок, по щиколотку увязая в желтом горячем песке, и молчал. Надо было бы еще, конечно, и не думать, но это оказалось выше моих сил. Внутренняя ехидна, которой не лишены и ангелы, ржала во весь голос над учебниками и мамиными пугающими наставлениями из оперы «не делай глупости, а не то до земли не долетишь». Ха. Врали, выходит, Наставники, что Изгнанные как космический мусор сгорают еще на подходе к грешному миру. Вот он, сгоревший такой, впереди топает. И руку на отсечение даю, что горбинка эта его с креном влево – из-за крыла. Хорошо, допустим, что я прав. Тогда... Связаться с начальством? Нет, это означает сразу лишиться своей мирной задачи соцопроса о пользе Рая, вляпаться в секретность, а там и до разведки недалеко. А в разведке, простите, платят мало, а нектар только по большим праздникам. Пробить по скану ауры через базу? Интересно же, сколько надо согрешить, чтобы так...

– Только попробуй, – произнес старик, даже не повернув головы. – Я тебе мигом помогу здесь навсегда остаться. Сам помогу, даже главную деревенскую шлюху звать не буду. Мне, как ты уже догадался, терять нечего.

На пригорке стало как-то очень тихо. Ветер, кидавший в лицо скрипучий песок, превратился здесь в робкую поземку, ворошившую... Перья. Много белых рваных перьев. Я нагнулся, поймав одно из них в ладонь. Легкая пушинка с характерным металлическим отливом цвета латуни – цвета второго круга. С губ сорвалось почти непроизвольно:

– Это все... что осталось?

Вопрос повис в воздухе. Я чувствовал себя идиотом, но никак этот пустырь с сосновым лесом по краям и деревушкой где-то внизу и за спиной не вязался с историями Наставников. И уж тем более сюда не вписывалась фраза «приходят ангелы в деревню, а бабы про полынь-звезду кричат».

– И чему же нынче учат? – хмыкнул старик, явно подслушав мои мысли. – Что мы превращаемся в комету и сгораем как Тунгусский метеорит?

Я кивнул. Старик пожал плечами и выудил из кармана пачку сигарет.

– А если я скажу, что упавший ангел теряет только одно крыло, ты мне поверишь? – спросил он после первой затяжки, выдохнув вместе с дымом полынную горечь прожитых дней.

– Нет.

– И правильно сделаешь. Это ложь, – старик спокойно обвел меня оценивающим взглядом, и я сразу вспомнил первое причастие, так же жестко взвешивал все за и против Наставник. – А истина, светлый, в том, что это крыло у нас отнимает Он еще там, наверху, у ворот Рая. Он не оставляет нам шанса. Вот только представь... – Старик закашлялся и едва слышно засипел, торопливо хватая ртом воздух, – на тебе цепи, крылья железками перетянуты, а из ничего возникает искра... И не сбежать. Должен вытерпеть, пока одно крыло не сгорит дотла, а потом сигануть на землю.

Мое сердце пропустило удар. Не может этого быть. «Он милосерден, доброта Его неупиваемая чаша и нет того в Нем, что называется неправильным или ошибочным», – напевный голос школьного наставника в клочья рвал историю старика.

Смех. Шафренный смех прошедшего тысячу километров земного ада.

– Ошибаются все, даже Он, иногда даже из пушки по воробьям стреляет и промазывает отчаянно, – старик снова улыбнулся и шевельнул носком сапога ворох обманчиво металлических перьев. – А это уже со здоровых крыльев, знаешь ли. Сами рвем. От бессилия и страха. Но это проходит.

Волна воспоминаний захлестнула Влада с головой, заставив снова почувствовать тугое объятие шейных кандалов. Но нет, сознание решило поддержать свое андеграундное отражение и швырнуло Влада в пронизывающий холод мартов-

ского Выборга.

Открыть глаза. Обнаружить себя в прямоугольнике разрушенных стен с арочными проемами выбитых с мясом и рамами окон, и почти интуитивно понять извращенное чувство юмора Господа Бога: падшему ангелу – храма руины, большего не достоин. А потом, через секунду перевести взгляд на косую, нарушающую все законы геометрии, башню с тусклой позолотой замерших часов и в сером снежном небе не увидеть ничего. Это там, наверху, в Раю, даже с каменным куполом Третьего круга смириться проще, чем с этой пустотой над головой.

Ни намека на Бога.

Ни намека на свет. Ни намека на...

Именно в эту пятую секунду осознания своего падения срывает любого. Здесь ластик боли с состраданием прошелся по рисунку памяти, смазав кадры цветного фильма до простого «он заранее отнял душу и оставил жить»¹. Наверно, как и все, он метался по этому замкнутому объему мертвого храма, выдирая перья из уцелевшего крыла в тщетной попытке изменить свою природу.

– А я говорю – это звезда с неба упала! – детский вопль скрипичной нотой разрезал эту волну помешательства на «до» и «после».

Влад отчетливо помнил, как в последний раз оглянулся на громаду башни с часами. Ее верхушка тонула в тем-

¹ Би-2 «Все как он сказал»

ном небе, почти неотличимо сливаясь с мартовской хмарью. Звезда с неба. Или с башни. До сих пор кажется, что разницы никакой.

А вдруг все это просто приснилось? Только вот крыло...

Он едва успел перебраться через поваленные колонны и спрятаться в тени свода правого нефа, как пространство вдруг заполнилось ватагой ребятишек мал мала меньше, галдевшей словно юный сонм в правом крыле на заседании старейшин Круга.

– Ну и где твоя звезда?

– Сашка, гляди сколько перьев! Интересно, чьи они...

– Чьи-чьи, птеродиктеля конечно.

– Врееешь...

– Нет такой птицы!

– Есть, я в книжках видел! Коричневая такая и с клыками!

Влад пятился к арке, из которой появились дети, на подгибающихся ногах. Слабость и шум в ушах с трудом гасили приступы адской боли в обожженном бескрылом плече.

Еще один пустырь. Перелезть через разрушенную стену, до крови ободрать колени и локти. И, наконец, стать «местным»: окунуться в холод земной, остро почувствовать свою почти-наготу в изодранной тунике, сдаться и лечь на сырую землю.

Вот тогда они его достали. Там, у стены с другим городом, нарисованным наивными оптимистами, а может, загнанными в угол пессимистами, которым некуда бежать, у рисун-

ка почти пражских крыш с доминантами башен, его накрыли Они.

Первым появился агент Дьявола. Он подошел вразвалочку, одетый с иголочки и с черной громадой автомобиля за спиной на мокрой блестящей брусчатке. Вот тебе... Как тебя там? Да, в сущности, не важно, вот тебе костюм как раз впору, белая рубашка и зелень денег. Автомобиль в прокат пока, не обессудь, но я уверен, что с твоими данными это совсем ненадолго. А шевелюру мы тебе в черный закрасим, седые, знаешь ли, не котируются. Командировки по стране и за границу, карьерный рост, дружный коллектив. Сопротивление, мой друг, бесполезно. Кто предложит лучше? Тебе в Питере квартиру или в Москве? Есть общага наша на Лубянке. Выборг этот, знаешь ли, не комильфо совсем.

Второй появился, словно из-под земли. В хламиде не первой свежести, с тусклым нимбом над лысеющим затылком. И весь он был такой обрюзгший и погрязший, что твой китайский божок. Немного словно, но выразительно воротя нос от агента Дьявола, объяснил, что Божий суд конечно никто не оспаривает, но все можно замолить. Мгновенных результатов не обещаем, на небо тоже не вернем, но священнослужители, которые познали мир высший изнутри, нынче на вес золота.. Не захочешь карьеру – приход дадим, матушку, детишек вволю, полная чаша вообще. Приход хороший, все приносят, машины крестить в очередь. А сейчас вот пока хлеба кусок и кагору стакан, так сказать причаститься к свя-

тому таинст...

Третьего Влада заметил от невозможности отвязаться от назойливого внимания первых двух. Он уже сделал два шага назад, уперся крылом в сырой шершавый бетон стены, и впору было кричать и бить наступающих на него посланцев. А он не хотел, не хотел ничего из того, что они предлагали! Он хотел, чтобы его оставили в покое. Он отказывался от Выбора и это тоже был Выбор.

Третий плавным перекатом оказался вдруг на острие атаки и вскинул руки. Первые двое растворились во мраке.

А все оказалось до безумия просто. Он не задал Владу ни одного вопроса, молча скинул с плеч куртку и отдал «новенькому». Потом показал, как сложить крыло, чтобы не светить им на всю улицу, и последней электричкой увез в Питер, в приют Азефа.

Долго Влад не мог придумать этой специализации некоторых ангелов в приюте внятной земной аналогии. Ровно до того момента, пока не узнал об аварийных комиссарах. Словно где-то с неба происходит звонок, что такой-то такой-то упал с неба полынью-звездой в секторе игрек, а дальше к этому падшему срываются все подряд. И хорошо, если хватит ума не согласиться на услуги первого подкатившего в обмен на собственную душу. Ведь что-что, а душу Азеф не забирал. Впрочем, и ничего не обещал.

Однако каждый раз, выныривая из ярких до рези в глазах воспоминаний о Выборге, Влад задавался лишь одним

вопросом.

Если ты ничего не выбрал, то что ты получил?

Все или ничего?

– Ну, друг, выдыхай уже, – за странным онемением Влад почувствовал, как тяжелая рука Азефа сжала его плечо. – Не ты первый, не ты последний.

Плечо робко отозвалось болью. Чувствительность возвращалась медленно и неохотно, смутно подозревая, что духовные скрепы внутри ее хозяина надорваны до предела. На столе перед Владом возникла рюмка с чем-то коричневым.

– Коньяк. Арарат. Святая гора или куда нас только не селили, – Азеф мрачно улыбнулся и тоном, не терпящим возражений, приказал. – Пей. А потом рассказывай.

Влад отрицательно помотал головой. Нет, так недолго и алкоголиком стать. Хотя, с другой стороны, не каждый день тебе звонит с утра бог... Стоп. Он же не мой сотовый набрал.

– О, я вижу, ты начал что-то понимать, – Азеф кивнул. – Тогда поступим проще. Ты начинаешь кивать и дакать, а я рассказываю. Он позвонил сюда. Тебя позвали к телефону. Он сказал, что ты сильно провинился и потерей крыла не покрыл и части долгов, успел еще и нагрешить тут, на земле, немерено...

Влад как загипнотизированный кивал, не сводя взгляда с объемной туши Азефа, хозяина притона «У Падшего или Ангелы и Ко», меряющего сейчас шагами персидский ко-

вер на полу собственного кабинета. Белое пятно его капитанского кителя словно бы насмеялось над чернотой крыла. Говорили, что перья у падших чернели редко, только после всех семи смертных грехов. Впрочем, от Азефа можно было ждать и изобретения восьмого.

– А потом тебе сообщили, что скоро за тобой придут, – вопросительной интонации в словах Азефа не было ни капли, но Влад на всякий случай прошептал «да». Азеф вздохнул. – Эх ты, наивная душа.. Если б кто пришел, а. За мной двадцать лет уже идут. Двадцать лет, Влад! Гораздо страшней, когда ты никому не нужен. Я даже не знаю, что такого нужно сделать, чтобы Он о нас вспомнил.

– Но Он же позвонил, – Влад тряхнул головой, чувствуя как скрипят мысли, – значит помнит о нас.

Азеф расхохотался. От раскатов этого ржания, подобного Коню Бледному, зазвенели хрустальные палочки в странной хай-тэковской люстре.

– Это был автоответчик, Влад, – горько выдохнул главный по притону. – И текст для всех один.

Влад залпом опрокинул рюмку с коньяком и уткнулся носом в рукав пальто. В голове стремительно светлело, энтропия падала до нуля, но оставались еще некоторые детали вселенского паззла, которых не хватало позарез.

– А в твоём тексте было что-нибудь про кучу дел и теракт в институте?

Азеф плюхнулся в кресло и задумчиво почесал подборо-

док.

– Нет. Двадцать лет назад были в моде жилые дома и концертные залы. А еще жара под сорок и горящие торфяники под Москвой. Про институт со школами тебе Тамер может рассказать. Видел этого пацана? Моет парадную лестницу обычно. Погиб в Бесланской школе, был изгнан из первого круга за шутку, что бог триедин в одном лице, но с таким диагнозом надо к психоаналитику.

Они помолчали. Азеф налил еще по одной. Выпили, не чокаясь.

– В общем вот тебе мой совет, Влад, – совсем тихо произнес чернокрылый в кителе. – Ты уже полгода здесь. Пора заканчивать с мечтами и обустраиваться. Все эти сказки, которыми ты пудришь мозги, про красну девицу с координатами к лестнице в рай и земного ангела... Ерунда все это. Ты думаешь, что если вернешься, там тебя с распростертыми объятиями встретят? Ага, жди. Даже если ты ничего особенного и не натворил, там уже такие легенды сложены, что тебя по их итогам и вовсе надо Люциферу сдавать прямым сообщением. Это как в людей на работе... Неделю не побыл – и все, отъявленный бездельник, будь у тебя там хоть сотня отработанных сверхурочных и законных отгулов. И звонок этот дежурная вещь. Сколько их еще будет – собьешься со счета. Так что с понедельника ты выходишь на работу. На первое время я тебе подыщу, а так-то сам давай. – Азеф отвел взгляд. – Я всех уже не прокормлю, честно. Мно-

го вас... стало.

Через полчаса Влад тихо, чтобы никто не услышал, но проникновенно материл уклад жизни на земле. Все-таки у Рая было одно неоспоримое преимущество: там ценили тебя самого, а не дьяволу тучу документов, без которых на земле ты никто. Ну, скажем, умеешь ты рисовать. Влад вот умел. И не нужно тебе удостоверение маляра-штукатура энного разряда, чтобы наружную поверхность храмовой стены раскрасить. Хотя конечно даже там, наверху, демократия была своеобразной и только в пределах одного круга.

«Интересно, а сквернословие – это серьезный грех?» – подумал вдруг Влад, скосив глаза на собственное крыло. В этом был плюс приюта Азефа – крыло можно не прятать. В этом же и минус. Коммуна коммуной, равенство, братство, все дела, а принадлежность Кругам и здесь некоторыми по старой памяти взводилась в Абсолют.

Крыло под сверкающую начищенную бронзу третьего Круга Блаженства уже порядком потускнело. Маховые перья стремительно темнели от корней. После тщательного осмотра в тусклом свете сентябрьского питерского дня Влад даже обнаружил на них зеленые пятна окислов. Так-так-так, внимание, внимание, скоро в вашем дурдоме Ангел Изумрудного крыла, встречайте!

– Гребаная жизнь, – пробормотал Влад. – И когда умудрился столько нагрешить...

А внутри головы уже роились слова. Они толкались, путались, играли в салочки и скатывались в похабщину. Типичное состояние вдохновения, которое Влад мог почерпнуть в чем угодно, даже в самом плохом. Ибо стихи он тоже писать умел. Кривовато, но в третьем круге, куда поэтов вообще редко заносило, это ценилось высоко.

И всего-то надо расставить слова... А утро как никогда располагало. И вырванный из блокнота листок немедленно заполнился короткими строчками:

Сегодня с утра позвонил бог
Сказал что лимит грехов исчерпан
Что он и сам бы достать меня смог
Только некогда, если честно
Только загружен очень – комменты к Слову
Теракт в институте и школьный автобус в горах
Кадровый резерв вовсю готовлю
поэтому ты уж как-нибудь сам

«Что „сам“? – поинтересовался зануда в подкорке. – Для рифмы поставил?» Но Влада несло. Владу хотелось закончить стихотворение какой-нибудь четкой, как выстрел, фразой, и смысл-то уже вот он, только схватить... Только признаться в самом главном себе, черт побери, послушаться Азефа, отпустить себя...

Мои скоро тебя найдут, а теперь пока, до связи.
Бог звонил лично. Рая не будет, как и второго раза

Строчки повисли посреди комнаты как удушенник, а Влад схватил пачку документов для трудоустройства, почти все деньги, какие оставались с прошлой халтуры и, давя в себе жуткое желание нажраться до собеседования, а не после, рванул к выходу. Замков на дверях комнатшек не было. Коммунизм или что-то вроде, о ключах можно было и не думать. Задевая все встречные косяки бронзовым крылом, Влад миновал длинный узкий коридор и вывалился на парадную лестницу.

И как раз вовремя.

Вообще все в моей жизни происходит внезапно и вовремя, думал Влад. Единственное исключение это, пожалуй, тот самый день, когда я сдох.

Мысли текли неспешным потоком как широкая ртутная лента большой реки, пока тело, выдрессированное несладкой жизнью в раю, летело вниз по перилам к высокому Падшему с крылом почти таким же черным, как у Азефа, зажавшему у стены совсем еще пацана с серебристыми перышками Первого Круга.

Может Влад бы и мимо прошел – чего не бывает в подлунном мире, любовь штука странная, – если бы в первую же секунду не увидел, как крепкая рука высокого с оттяжкой вырывает серебристые перья из крыла пацана и бросает их

на ступени лестницы. Пацан же только глухо стонал, даже не пытаясь уже вырваться на свободу.

– Что, сладкий, больно? Ну, потерпи, ты же любишь па...

Договорить чернокрылый не успел. Влад прицельно с разворота врезал ему ногой в челюсть и отшвырнул в сторону.

Пацан ошарашенно затих. Влад мазанул по нему взглядом. Память услужливо подкинула ответ голосом Азефа: «Тамер, паренек, погиб в Беслане, моет парадную лестницу». Тамер. А полное имя Тамерлан, значит?

– Ты ш-што себе позволяеш-шь, сука? – прошипел, сплевывая кровь из разбитых губ и десен, чернокрылый. – Ты хоть знаеш-шь кому дорогу переш-шел?

– Знаю, – спокойно ответил Влад, заслоня крылом Тамерлана. – А тебя что, на маленьких потянуло? Всех у Магдалены перетрахал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.